

Б. С. <Б. СТОЯНОВ>

Открытое письмо И. Гроссману-Роцину

Наконец, на страницах печати* мне удалось узреть тезисы Вашей лично и «Голоса Труда», в ц е л о м , позиции. Не скрою, что это меня несказанно обрадовало. Как известно, устные дебаты часто сводятся к тому, что «я, де мол, не так сказал», «меня не так поняли», «смысл моих слов в ц е л о м был не таков» и подобным отлынивающим уверткам. Такое же «непонимание» преследовало, насколько мне помнится, и Вас. Теперь таких недоразумений — «непониманий», — я думаю, — не произойдет.

После короткой прелюдии, воспевающей «Социальную» нашу революцию и короткого, злобы и бессилия полного, вступительного слова об анархистах, от которых Вы с каждым днем уходите все дальше и дальше прямо в лагерь социалистов, Вы переходите к выяснению основ Вашей и «Голоса Труда» в ц е л о м позиции. Это выяснение Вы начинаете старой, престарой песенкой «о необходимости ясной постановки вопроса». Эта ясность у Вас сводится к двум о б щ и м вопросам лишь косвенно, отчасти, односторонне, затрагивающим «выяснение основ позиции»...

Первый вопрос: «Чем дорога нам именно октябрьская революция? Воплощен ли в ней анархический замысел?»

«Для серьезного ответа на первый вопрос н е о б х о д и м т щ а т е л ь н ы й а н а л и з д е м о к р а т и и », (разрядка моя. — Б. С.).

И это, по Вашему, будет «серьезный ответ на первый вопрос»? Странно?! Разве сущность анархизма сводится лишь к отрицанию демократии? Что это за куцый анархизм?.. Где вы его раскопали?..

---

* См. «Голос Труда» № 1, декабрь, 1919 г.

Я думаю, что для «серьезного ответа на первый вопрос» нужен анализ не только демократии, а анализ всего социального уклада, как прошлой, так и современной жизни. Анархический замысел сводится не только к борьбе с демократией, как одной из форм государственности. Эту борьбу ведут и крайние правые, — сторонники абсолютизма. А разве там есть элементы анархического замысла? Анархизм ведет борьбу, да будет Вам известно, со всем тем, что мешает развитию личности. И демократия лишь один из элементов социальной жизни, мешающий этому развитию. <...>

Октябрьская революция, по Вашему, нам дорога тем, что она выдвинула Советы, вместо Учредилки. А «Советы вместо Учредилки означает — качество труда вместо количества (большинство) наций. Советы — это — теоретически, философски — возвращение к качественному воззрению на мир, на рабочих, как на качественно иную трудовую индивидуальность. Практически: это новая ара, шаг к анархии во всемирном масштабе. Отныне пролетарская энергия не будет распылена, рассеяна, она имеет анархический очаг — Советы...»

Чего только нет в этом Вашем философском анализе и обосновании Советов?! Здесь и заигрывание с «трудовой индивидуальностью» (а я думал, что анархизм имеет дело с индивидуальностью вообще, а не только с трудовой), здесь и кокетничание с «пролетарской энергией» (хотя какое значение и превосходство пролетарская энергия имеет над энергией личности это Вы, стоя на анархической точке зрения, едва ли сумеете объяснить), здесь и подмена анархического очага современными Советами. Чего только нет в Вашем философском анализе и обосновании? А вот главного то все-таки нет, а именно: что означает Советы вместо Учредилки? По Вашему, это «означает качество труда вместо количества (большинство) наций». Но ведь это, согласитесь сами, — «стертая монета». Чем же отличается Ваш философский анализ и обоснование современных Советов от соответствующего философского анализа и обоснования Советов времен Николая II-го? В те времена тоже были Советы, как Вам известно: Государственный Совет, Совет Министров (да и Государственная Дума тоже была «Советом»), различные технические ученые советы. По форме те Советы, как и современные, были государственными аппаратами. По существу же и тогда, как и теперь, философствовали: «Советы вместо Учредилки, означает

качество труда (господ Столыпиных, Хвостовых, Горемыкиных, Протопоповых, Крупенских, Марковых, Пуришкевичей, а иногда и Распутиных) вместо количества (большинство) наций». Но мы, анархисты, и тогда и теперь говорим: Ваша философия — «фальшивая, стертая монета», тут же прибавляя, что стертой монетой будет и обратное: Учредилка вместо Совета — количество труда вместо качества. Ибо суть не в том, что означает Советы вместо Учредилки или обратно — Учредилка вместо Советов, — а в том, что такое по своему существу и современные Советы и Учредилка? И мы говорим, что и то и другое есть лишь различная по количеству и качеству эксплуатация человеческого труда, труда личности. И, оттого, что изменится количество эксплуатации за счет качества, или обратно, от этого суть дела — эксплуатация не исчезнет. А это, ведь, самое важное для анархиста. И это, самое важное, Вы-то и забыли, а, может быть просто хотели обморочить, всунуть в потемках русской действительности, «кренку¹ фальшивую, да еще аляповато сделанную...»

Ваше же признание Со в р е м е н н ы х Советов очагом Революции — самый интересный трюк Вашего акробатства. Это не «мелодекламация» словоохотливого «фельетониста», это по своему существу — работа демагога, изготавливающего для дешевой оптовой и розничной продажи «Советский Анархизм». Что общего имеют современные Советы, — эти г о с у д а р с т в е н н ы е органы, с одной стороны, и филиальные отделения Р. К. П., с другой стороны, — с очагами революции? Ответьте, пожалуйста! <...>

Современные Советы — «это возвращение к качественному воззрению на мир, на рабочих, как на качественно иную трудовую индивидуальность» или, иными словами, в о з в р а щ е н и е к эксплуатации труда к а ч е с т в е н н о в ы с ш е й. Советы же — анархические очаги — это не возвращение, а п е р е х о д к воззрению на мир, на рабочих, как на человека, как на с а м о ц е л ь жизни (Понимаете ли: С а м о ц е л ь жизни?). Советы — анархические очаги — это символ уничтожения всякой, разной и количественно и качественно, эксплуатации. Как же Вы эти два понятия советы и «советы» в один котел сыпнули?

Большевики и Советы — анархические очаги это, по Вашему, тоже одно и тоже? «Анархисты должны всеми силами, всеми помыслами защищать Советы (современные, конечно — примечание мое), быть вместе с большевиками защитниками этой идеи во всемирном масштабе...», истерически взываете Вы <...>.

По вашему выходит: если мы пойдем с тактическими анти-демократами кадетами, меньшевиками, эсерами — это будет путь укрепления государственности, а если мы пойдем с тактическими анти-демократами большевиками, то это будет путь гибели государственности, несмотря даже на то, что они «могут задержать переход от принудительных норм к свободному труду даже тогда, когда навязанный империалистами военный тупик исчезнет»... Как понять всю эту белиберду?

В противовес Вам я выдвигаю совершенно другое положение: путь совместно с большевиками есть путь укрепления государственности в его новой, быть может, и не очень тонкой форме — Совдепии — «Советская власть», которая в случае своего укрепления, на что есть очень много шансов (тайные и явные дипломатические переговоры с Антантой²), может стать на долгие годы цитаделью реакции.

Вам кажется, «что при неимоверно тяжких мучительных условиях творится дело наше и во всемирном масштабе». Но всякий имеющий уши, чтобы слышать, глаза, чтобы видеть, поймет, что творится дело и х н е е, государственников, «что при неимоверно тяжких, несказанно мучительных условиях» государственники хотят загубить (но им это не удастся) наше анархическое дело.

Вы настаиваете на признании нами «величайших заслуг большевизма в деле защиты максимализма». В чем же заключается этот максимализм Вы, кроме м н и м о г о его анти-демократизма, к а ж у щ е й с я антигосударственности, и л л ю з о р н о г о предположения, что большевики творят н а ш е дело, ничего не можете указать. И весь этот обман, а может быть самообман, есть следствие Вашего обליнялого и облезлого максимализма. <...>

Революция октябрьская нам быть может и дорога чем-нибудь, быть может в ней и был воплощен кое-какой анархический замысел, но при чем же здесь большевики? Разве октябрьскую революцию творили большевики? <...>

Если же они (большевики) отказались от Учредилки под давлением масс, в чем я солидарен с Вами, то почему же это их заслуга, да еще колоссальная и неопенимая? Ведь под давлением масс многое и очень многое творится. Это мы, анархисты, давно знаем, но мы не знали, что заслуга тех, да еще «колоссальная», «неопенимая», кто под давлением масс что-то делает. <...>

Да, уважаемый идеолог большевизма из анархического лагеря, хоть для сколько-нибудь «серьезного ответа на первый вопрос»

необходимо, чтобы Вы указали непосредственную связь между большевиками и октябрьской революцией. А то впечатление получается будто поговорили Вы, написали... «и весел Тришка мой...

Эх, много бед принес нам (трижды) куцый Тришка!..»

Но далее. Что общего между октябрьской революцией и двухлетним царствованием большевиков, их строительством социалистического государства. Октябрьская революция поставила своим экономическим лозунгом у н и ч т о ж е н и е с и с т е м ы к а п и т а л и з м а, покоящегося, как, быть может, Вам известно, на том, что орудия и средства производства (мертвый капитал) находятся в собственности одной, весьма незначительной части общества — буржуазии, которая при посредстве этой собственности эксплуатирует человеческий труд (живой капитал) путем ренты, процента и прибыли, иначе говоря, эксплуатирует в форме, известной, со времен Годвина, под именем прибавочной стоимости.

Что же сделали за два года своего властвования большевики с этим лозунгом и что они намерены сделать дальше?

Орудия и средства производства перешли из рук буржуазии в руки единого, всесильного, всемогущего, вездесущего, всеправедного, вседозволенного, всеблаженного, неизменяемого и вечного эксплуататора х о з я и н а - б ю р о к р а т а — г о с у д а р с т в а, аппетиты которого на эту самую прибавочную стоимость прямо пропорциональны количеству экспроприированных частных собственников, действительная же эксплуатация прямо пропорциональна его вышеперечисленным девяти божественным качествам. Это почти математическая точность, и формулу эту Вы можете проверить наблюдением над современной социально-экономической жизнью. Но, проверяя ее, необходимо подняться, хоть сколько-нибудь, на высоту обсуждаемых вопросов «подняться на высоту обсуждаемой проблемы», освободиться от «анемизма» и хоть на время стать беспристрастным, что, пожалуй, Вам трудно теперь сделать. <...>

Итак, экономическая задача октябрьской революции — уничтожение системы капитализма — не решена, не реализована ставшими после октябрьской революции, во главе движения большевиками. Наоборот, система капитализма усилена, углублена доведена до максимального, до абсолютного предела.

Правда, форма капитализма изменена: вместо частной мы имеем государственную систему. Но разве от этого суть, существо, капитализма изменились? Разве государственный капитализм

не покоится на тех же самых началах, и прежде всего на наемном труде, что и частный капитализм? И разве характерное свойство капитализма — эксплуатация человеческого труда, рабство одних и паразитское существование других, — исчезло?

Выше я уже говорил, что государственный капитализм не только покоится на тех же основаниях, что и частный, но, что самое главное, эксплуатация человеческого труда, порабощение человека, при государственной форме, чудовищнее, ужаснее, чем при частной. <...>

Государственный капиталистический строй, идущий ныне на смену частному капиталистическому, сулит довести порабощение человека до последней стадии, заменив старую формулу манчестерцев о с ко п л е н н о й свободе труда (*laissez faire*)³ новой формулой — «тащи, не пущай», «к стенке». На смену недавнего, еще живого прошлого, о т н о с и т е л ь н о г о рабства человека» идет с государственным капитализмом новая а б с о л ю т н а я форма рабства.

И это Вам, анархисту, должно быть известно. Как же после этого Вы можете смешивать октябрьскую революцию и 2-х летний период государственно-капиталистического (социалистического) строительства большевиков? Неужели Вы серьезно не понимаете, что это два совершенно различных по существу исторических момента?

Революция октябрьская, повторяю, быть может нам чем-нибудь и дорога, быть может, в ней и воплощен анархический замысел, но она все-таки ничего не имеет общего с двухлетним послеоктябрьским периодом строительства большевиков. И Ваш «серьезный» ответ на первый вопрос в целом есть лишь «стертая монета, керенка фальшивая, да еще аляповато сделанная».

Перейдем теперь ко второму Вашему вопросу и ответу на него.

«Больные, темные стороны революции, рост принудительных норм, — спрашиваете Вы, — есть ли «злая воля», неизбежный результат большевизма, или этот уклон порожден волей всемирного империализма? «

Для серьезного ответа на этот вопрос, по Вашему, «необходим анализ противоречий революции, процесса борьбы со всемирным империализмом».

Если Ваш ответ на этом покоится, то сразу можно сказать, что до с е р ь е з н о с т и осталась дистанция приличного размера. Ибо

воля всемирного империализма и борьба с ним — с одной стороны, и анализ противоречий революции — с другой стороны, суть два различных и по существу и во времени момента. Но об этом ниже. <...>

Если бы мы действительно продолжали и углубляли революцию, то всемирному империализму не удалось бы нас заставить «заменить логику производства — мать свободы — логикой военщины — мать государственной необходимости». При условии продолжения нашей революции всемирному империализму пришлось бы столкнуться в кровавой борьбе со всемирным пролетариатом.

Если бы мы после октября пошли этим путем, мы были бы близки к цели. Всемирный пролетариат, в особенности пролетариат романских стран, давным-давно оказался бы в рядах наших, был бы с нами по пути к с о ц и а л ь н о й (подлинно-социальной, а не такой, какую Вы усмотрели в социалистическом строительстве) революции. Два года пролетариат западной Европы смотрит на нас, наблюдает за нами, но моментов подражания себе он не находит. <...>

Наше одиночество и есть о т ч а с т и (почему отчасти объясню ниже) причина, почему “всемирный империализм, путем блокады, нашествий не дает нам сделаться производственным организмом”».

Итак, первое мое положение на Ваш ответ по второму вопросу следующее: «Чтобы создать не абстрактную систему свободных соглашений, а реальную силу — необходимо» п р о д о л ж е н и е и углубление загнанной в тупик октябрьской революции. Другими словами: чтобы подойти, наконец, к логике производства необходима логика революции (а не логика военщины, как Вы думаете).

Теперь второе положение:

Что было причиной замены логики производства логикой военщины? По Вашему, причина во всемирном империализме и только в нем. По-моему же, логика производства заменена логикой военщины прежде всего в силу логики социализма (государственного капитализма), а затем только о т ч а с т и , в силу козней всемирного империализма.

Вы забыли или не знаете, что социализм, покоящийся на началах государственности и капитализма, не может существовать прочно, хоть сколько-нибудь продолжительный период времени (год, два) без в о е н щ и н ы . Если частный капиталистический

строй, где моменты капитализма и государственности были, до известной степени, разъединены, приводил к логике военщины, то тем более к этой логике приведет государственно-капиталистический строй, где нет слагаемых (капитализм и государственность), а есть о р г а н и ч е с к а я (не механическая, это я подчеркиваю) с у м м а — с о ц и а л и з м .

Одно из основных свойств капитализма, как я уже говорил выше, — это эксплуатация человека, его труда. Человек стремится освободиться от этой эксплуатации, сбросить с себя иго капитализма. Частный капитализм в таких случаях о б р а щ а е т с я за помощью, которая иногда может и не прийти вовремя, к государству, государственный же капитализм, благодаря тому, что элементы государственности и капитализма в нем слиты в одно органическое целое, н е п о с р е д с т в е н н о , т у т ж е с а м о с т о я т е л ь н о пользуется своей силой.

Эта сила и есть военщина.

Без военщины государственный капитализм будет существовать до первой попытки первого человека освободить свой труд из-под ига капитала.

Вкратце картина, которой Вы, при желании, можете любоваться в любой момент, такова. Чтобы удержать непокорных, подневольных, рабов в повиновении хозяину-государству, социализм вынужден издать целый ряд законов (или, как они теперь именуется — декретов), охраняющих неприкосновенность государственного капитализма. Чтобы эти законы не были пустым звуком, нарушители их строго наказываются: лишением и ограничением свободы, причинением физической и нравственной боли, и даже лишением жизни через повешение, «стенки» и других усовершенствованных ныне способов. Для проведения в жизнь и, главным образом, для исполнения законов и «по закону» нужны армии законодателей, судей, чиновников, шпионов, сыщиков, провокаторов, тюремщиков, палачей, нужна жандармерия и полиция и нужны, наконец, солдаты для конвоирования, охраны, расстрелов, усмирения бунтов и восстаний, короче говоря, нужен государственный аппарат.

На содержание этого аппарата нужны средства. Перечисленные же выше блюстители и исполнители законов — класс н е п р о и з в о д и т е л ь н ы й , покоящийся на началах паразитизма, Содержание этого класса, как и всего аппарата, социализм относит за счет производительного класса — в с е г о

остального населения. Значит, прибавляется новая уже необходимая, вытекающая из начала государственности, эксплуатация человека.

Но это не все. Ибо блюстителей, а, главным образом, исполнителей законов — жандармерию, полицию и войско — необходимо «одеть по форме» и снабдить всеми нужными техническими средствами и прежде всего — оружием и снарядами. Огромная отрасль металлообрабатывающей и текстильной промышленности работает на эти нужды. Сотни тысяч, иногда и миллионы рабочих рук заняты непроизводительным трудом — производством смертоносного оружия. И как это не дико, но социализм, покоящийся на началах государственности и капитализма, без этого существовать не может. <...> И все это нужно создать, произвести. Для всего этого нужны огромные кадры рабочих, которых в свою очередь придется содержать за счет производительного класса — всего прочего населения. Значит, прибавляется еще новая эксплуатация. <...>

В результате получается то положение, которое Вы назвали логикой военщины.

Но не думайте, что только с этой, внутренней, так сказать, стороны мы подходим к этой проклятой логике при социализме. Нет!.. Подход с другой, внешней, стороны при социализме не менее интенсивен. Я думаю даже больше: основной подход к логике военщины при социализме — это внешняя сторона.

Развивающийся капитализм — как частный, так и государственный — должен пройти этап империализма. Думать, что империализм свойственен лишь частному капитализму — это значит показать свою безграмотность в экономике.

Мечты социалистов о создании единого мирового государства, одного мирового хозяина-капиталиста — пустые бредни. Нельзя отрицать, что современное государственное разделение народов — искусственно. Но все-таки не следует фантазировать, будто удастся в ближайшее, по крайней мере, тысячелетие, уничтожить всякие границы между народами. Слишком различны людские интересы, характеры, наклонности и способности, покоящиеся на глубоких и прочных духовных (культура), социальных (обычаи, нравы, язык), географических (климат, природа) и иных основаниях. <...> В зависимости от духовного, политического и экономического уровня того или иного народа, от природных, климатических и иных условий будет

находиться и сопротивление социалистической эксплуатации. Государственный капитализм, в целях установления равенства, попытается покорить наиболее строптивых и непокорных посылкой в ту или иную бунтующую страну карательной экспедиции. Здесь и будет начало политики победителей и побежденных: — у первых — «беспристрастная» месть и насаждение узаконенного равенства, у вторых воспрянет национальный дух (а этот национальный дух не так легко искоренить). Отсюда и начало нового государственно-национального разделения.

И в семирном Совнаркому, сидящему где-нибудь в Москве под обветшалым флагом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», придется в первый же момент своего властвования столкнуться с этим государственно-национальным разделением народов и тем самым или превратиться в комитет захудалой «Лиги Наций», или быть бесконечно военным организмом, оставляя надолго даже мысль о производственном организме.

Это одна сторона империализма, но есть и другая — наиболее важная.

Я уже говорил, что основное органическое свойство — как частного, так и государственного капитализма — одно и то же: и тот и другой покоятся на эксплуатации человеческого труда, посредством собственности на орудия и средства производства в форме прибавочной стоимости. Существо, внутреннее содержание, и того и другого капитализма одинаковы, лишь формы эксплуатации различны (форма государственного капитализма наиболее резка, ярка, совершенна и подла). А раз с у т и их одинаковы, то, конечно, и развитие их будет также одинаково. И если всемирный частный капитализм дошел в своем развитии до великого погрома 1914–1918 г., то почему же развивающийся государственный капитализм, должен избежать этой судьбы?..

И короткая, маленькая история русского государственного капитализма полна фактами, подтверждающими начало империализма. <...> Увеличивающийся успех Красной армии разовьет, углубит и расширит аппетит русского социалистического империализма. И недалеко то время, когда мы будем может быть свидетелями похода Красной армии на Индию (под флагом освобождения ее из под ига Великобританского частного капитализма), если, конечно, к тому времени русскому государственному капитализму не удастся столкнуться и разделить с Антантой полюбовно «сферу влияния». <...>

Старые, опытные матерые, империалисты запада понимают, к чему могут повести в ближайшее время военные успехи русского государственного капитализма. Вот почему они настаивают на мире с большевистской Россией. Пока, мол, будешь блокировать, помогать русской контрреволюции устраивать заговоры, делать попытки при помощи кучки русских офицеров отвоевать Московию от большевиков, русский государственный капитализм будет крепнуть и в один прекрасный день пошлет свои войска этак через Туркестан да Сибирь прямо на Индию. Вот тогда и блокируй, да постреливай из своих миноносцев по Кронштадту, а Индия улетит из-под носа: пойдут бунты, мятежи с помощью русской Красной армии, опытной уже в боях. <...>

Вот, вкратце, подход к военщине с внешней стороны.

Итак, логика военщины есть следствие логики социализма. Социализм — это усовершенствованный капитализм, обладающий усовершенствованным аппаратом эксплуатации — социалистическим по существу, рабоче-крестьянским по форме, — государством, и империализм — обязательный этап его развития. Вот почему социализму свойственна и усовершенствованная, абсолютная форма военщины.

Выше я указывал, что в логике военщины в России лишь отчасти повинен всемирный капитализм. Самоиздыхающий частный капитализм в конце 1918 года заметил на востоке зарево восходящего ему на смену государственного капитализма. Хотя и родное было это его детище, но все же не хотелось старику умирать, уступать без боя место своему сынку. И завязался бой. Но начало этого боя, повторяю, было лишь в конце 1918 и в начале 1919 гг. <...>

Дело в том, что государственный капитализм постепенно и частично, хотя и иным путем, уже в течение 30–40 лет внедряется во всех капиталистических странах мира. Последние три года войны ускорили темп его развития. Бессилие частного капитализма справиться с военным производством в период войны выдвинуло на сцену систему государственного капитализма. И ныне в Западной Европе количественно не менее н а ц и о н а л и з и р о в а н н ы х предприятий и индустрий чем у нас, в социалистическом отечестве. <...>

Государственный капитализм рождался и укреплялся на Востоке в новой, экспроприрующей, убивающей частный капитализм, форме. И вооруженный, опирающийся на многомиллионную армию государственный капитализм Востока был опасен

и страшен инвалиду-старiku — частному капитализму Запада, которому так хотелось пожить еще «хоть немножко». Частный капитализм Запада решил защищаться, государственный же капитализм Запада (о развитии которого я уже упоминал), обязанный многим своему отцу, но не желающий поднимать руки на брата своего (русский государственный капитализм) остался нейтральным, изредка пытаясь примирить врагов. Этим и объясняется, почему государственный капитализм Запада до сих пор не сделал реального фактического натиска на Россию. Вся борьба между Антантой и Россией есть борьба между частным капитализмом Запада и государственным капитализмом России. Одряхлевший частный капитализм Запада занял лишь выжидательную и только в некоторых случаях наступательную, позицию. То там, то здесь всемирный частный капитализм ущемлял русский социализм. Такова была его позиция до апреля 1919 года, когда русский социализм, упоенный легкими победами на Украине, гордый и мощный своей уже миллионной армией, начал воинственно бряцать шпорами и оружием у окна Европы — Румынии. Тогда всемирный империализм частного капитализма занял другую более активную позицию: признал Колчака, начал интенсивно помогать и снабжать его, Деникина и Юденича оружием, золотом и продовольствием. Вот где начало борьбы между всемирным империализмом и русским социализмом.

Таковы исторические факты, подтверждающие вполне мою мысль, что логика военщины (русский милитаризм) лишь отчасти, второстепенно и в зарождении и во времени, обязана всемирному империализму.

Формулируя кратко все сказанное, я делаю следующие выводы:

1) логика производства заменена у нас логикой военщины, благодаря, главным образом, социализму; 2) для того, чтобы сделаться производственным не эксплуатирующим паразитски организм, для того, чтобы создать экономическую систему (не абстрактную, конечно, а реальную) подлинных свободных соглашений, необходимо идти путем революции, а не путем военщины или хотя бы мирного строительства социалистического государства, организации государственного социализма, или, что тоже самое, путем социалистического производства.

Как видите, мои выводы далеки от Ваших шовинистических, социалистических выводов. И понятно, что и позиция моя далека от позиции Вашей и «Голоса Труда» в целом.

Вы, советские анархисты, радуетесь тону, что «величаво развивается красное знамя»; мне же больно, что под нашим черным анархическим знаменем приютилась кучка мещан, обывателей, именующих анархистами. <...>

Все бы это было ничего. Мало ли людей целую жизнь добросовестно верили, что их мировоззрение покоится на определенной идеологии. «Ан глядишь», маленькое обстоятельство... и оказывается, что все, что было до сих, было недоразумение. И заблуждавшиеся честно и открыто отказывались от старого. Так было и с анархистами, перешедшими в лагерь марксистов и народников. И это было, повторяю, честно и открыто. Зачем же Вы виляете? К чему все Ваши увертки? Зачем укрываться флагом анархии? Неужели только лишь для того, чтобы легче было оплевывать в лагере анархистов тех, кого Вы все-таки недостойны, недостойны и глубиной и широтой. Причем, например, Ваш как бы невзначай сделанный выпад против Кропоткина. Во всей теории и практике Кропоткина, по Вашему, «борются классовое бунтарство с буржуазным демократическим федерализмом». Лично я не считаю Кропоткина чистым анархистом, в нем много моментов безгосударственного социализма, который я считаю последней универсальной глупостью человечества, последним большим, очень вредным, социальным предрассудком. Мне не хочется сейчас останавливаться на развитии этой моей мысли. Об этом мы поговорим когда-нибудь особо, если понадобится. Но все же Кропоткин для развития идей анархизма сделал много, побольше Вас. Что же касается его буржуазных, демократических, федералистических моментов, то о них «чья бы корова мычала, чья бы молчала», ибо этих моментов как раз больше всего у Вас.

А Ваши нападки на «набатовцев» и других анархистов!? Каждый из этих анархистов сделал для анархии не менее Вас, в особенности в эту революцию, но самое важное — каждый из них умел поставить и проанализировать реально проблему настоящего социального положения, на что Вы оказались неспособны, спутав, перепугав и запутав две совершенно противоположных философских системы: анархизм, покоящийся на индивидуальном начале, и социализм, покоящийся на коллективном начале.

Теперь перейду к последнему: — к выяснению своей позиции, или точнее к вопросу, что делать анархистам в настоящий момент.

Первая наша задача — это пропаганда письменно и устно, словом и делом идей анархизма.

Война 1914–1918 гг. — с одной стороны, и русская революция — с другой стороны, поставили на очередь развитие системы государственного капитализма. Западная Европа и Америка пошли к этой системе путем «постепенности» и «законности» — путем реформирования системы частного капитализма. Россия ж пошла путем революции, насаждая государственный капитализм под лозунгом «грабь награбленное».

В настоящий момент загорелась (точнее, загорается) отчаянная борьба из-за несогласия в *modus'ax* (способах) насаждения государственного капитализма между мировой (европейской и американской) и советской (русской) буржуазией.

И мы должны разжигать эту борьбу параллельно с пропагандой анархизма, дабы к тому времени, когда массы воспримут идеи анархизма, обе борющиеся стороны были обессилены. Тогда массам легко удастся покончить с обескровленным междуусобной войной капитализмом (частным и государственным).

Это вторая наша задача.

Теперь третья, не менее важная.

Надеяться на то, что государственный капитализм обязательно истощится в междуусобной борьбе — не следует. Возможно, на что есть много шансов, что система государственного капитализма внедрится на довольно продолжительный период, до новой государственно-империалистической бойни народов. Каким из двух указанных выше путей будет внедряться государственный капитализм для нас вовсе не безразлично. <...>

В последнее время заметны попытки империалистов всего мира сговориться. Есть основание думать, что скоро между мировой буржуазией и совбурией (советская государственная буржуазия) наступит мир. А это будет означать наступление длительного периода системы (а не временного, скоро проходящего, института) квалифицированного абсолютного рабства человека. И мы должны всеми силами своего анархического разрушения обрушиться на это надвигающееся зло. Мы должны пропагандировать и агитировать всю трудовую массу так, чтобы она сама явилась непреодолимым препятствием на пути внедрения государственного капитализма — социализма. Борьба с государственным капитализмом — вот третья, очень важная, наша задача.

До сих пор огромная часть вины падения нашей революции лежит на нас — анархистах, выступивших с первых же дней

революции удивительно дезорганизовано и, как видно, принципиально дезорганизовано. Если следующая революция (которая наступит тем скорее, чем энергичнее мы будем пропагандировать нашу идею), застанет нас в том же состоянии расхлябанной организации, в котором мы находимся сейчас, то можно заранее утверждать, что она будет проиграна, что ею снова воспользуются другие — враги свободного человека. Мы должны организовать прочно и как можно скорее. Каковы формы этой организации? Их подсказала нам уже отчасти жизнь и подскажет дальнейший опыт и наш разум. Организация, организация и организация — это четвертая и последняя наша задача.

Вот вкратце то, что я считаю главным в работе анархистов, подлинных, а не советских «анархистов», пытающихся и невинность анархическую соблюсти и капитал социалистический приобрести, зовущих идти рука об руку с ортодоксальными социалистами-государственниками-большевиками (коммунистами), ухватившихся уже за красное знамя социализма, но все еще цепляющихся своими грязными кровавыми руками за черное знамя свободного человека.

Январь 1920 г.

